

это, в первую очередь, реалист: в его речи доминирует аналитический стиль мышления, он видит и отражает действительность сквозь призму эмпирических фактов, в речи всегда присутствует вывод или мораль.

Нужно сказать, что социально-речевые портреты, составленные нами на основе анализа особенностей речи региональных политиков – бывшего полпреда Президента Российской Федерации в ПФО Сергея Кириенко, губернатора Нижегородской области Валерия Шанцева и мэра Нижнего Новгорода Вадима Булавинова – дают возможность выявить общие, характерные для всех представителей власти, закономерности речевого поведения.

Главной стратегией личности является стратегия позиционирования себя в глазах аудитории, формирование своего положительного образа.

Характерными тактиками для реализации данной стратегии будут, во-первых, тактика размежевания с представителями предшествующей власти и сходная с ней тактика – «я не такой как...», заявляющие о самостоятельности, индивидуальности данной языковой личности; во-вторых, тактика кооперации с представителями вышестоящих органов власти, в частности с Президентом РФ.

На вербально-семантическом уровне данному типу личности присуще использование в речи официально-деловой лексики, канцеляризованных выражений (*принципиально / крайне важно*), статистических данных, оперирование лексемами, входящими в тематическую группу «государство»: *государственная власть, руководящие посты, единая страна, Законодательное собрание, регион*.

Речь наполнена национально-значимым содержанием: это и образ Российской государственности, сильной централизованной власти; и образ многоконфессиональной России – единой семьи народов; и образ стремительно развивающегося региона, на который возлагаются огромные надежды; и образ города, традиции которого сохраняются, несмотря на новые проекты его застройки.

Таким образом, имидж – это долговременная инициативная коммуникативная роль, которую «играет» человек для достижения популярности, завоевания внимания, поддержания интереса к личности, получения выборной

должности и т.д. Понятие речевого портрета в узком смысле соотносится с особенностями речевого поведения человека, в широком – с языковой личностью, прототипом носителя определенного языка. Предметом анализа в первом случае (коммуникативный имидж) являются стратегии и тактики речевого поведения и те коммуникативные роли, которые реализуются с помощью речевых стратегий и тактик; во втором случае (речевой портрет) – вербально-семантические, тезаурусные, мотивационно-прагматические особенности речевого поведения человека. Как при анализе коммуникативного имиджа, так и при анализе речевого портрета востребованными являются методики контент-, интент-, дискурс-анализа, психолингвистические методики.

ЛИТЕРАТУРА

Гордеева О.И. Политический имидж в избирательной кампании // Технология и организация выборных кампаний. Зарубежный и отечественный опыт. – М., 1993.

Даулетова В.А. Вербальные средства создания автоимиджа: Автограф. дис. канд. филол. наук. – Волгоград, 2004.

Даулетова В.А. Языковая личность и «я» (на материале политических автобиографий) // Языки и транснациональные проблемы: Материалы 1 междунар. научн. конф. 22 – 24 апреля 2004 года. Т. 2. М. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004.

Иссерс О.С. Что говорят политики, чтобы нравиться своему народу // <http://www.rusword.com.ua>.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики. – Омск, 1999.

Карасик В.И. Оценочная мотивировка, статус лица и словарная личность // Филология, 1994. №3.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 2002. С. 36.

Немцов Б.Е. Исповедь бунтаря. – М.: Партизан, 2007.

Почепцов Г.Г. Имидж от фараонов до президентов. – Киев, 1997.

Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Под ред. Л.П. Крысина. – М., 1998.

Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. – Воронеж: Изд-во Воронежского ГУ, 2001.

Price R. Memorandum // McGinnis J. The selling of the president 1968. – Richmond Hill, 1970.

© Романова Т.В., 2009

Серио П.
Лозанна, Швейцария
Перевод Е. Б. Плаксиной, К.Л. Филатовой
**ОТ ЛЮБВИ К ЯЗЫКУ
ДО СМЕРТИ ЯЗЫКА¹**

6. УДК 811.161.1

ГСНТИ 16.21.27, 16.21.07

Seriot P.
Lausanne, Switzerland
Translated by E. B. Plaksina, K. L. Filatova
**FROM THE LOVE OF THE LANGUAGE
TO THE DEATH OF THE LANGUAGE**

Код ВАК 10.02.01;

10.02.19

Аннотация. В статье разрабатывается теоретический конструкт «Советского Дискурса о

Abstract. The article elaborates on a theoretical notion of the «Soviet Discourse about the Language»

Языке», который характеризуется иррациональной любовью к языку и призван оправдать его внутреннее превосходство над другими языками. Также рассматриваются проблемы языкового единства, совершенства языка, понятие нации.

Ключевые слова: русский язык, советология, дискурс, совершенство языка, нация.

Сведения об авторе: Серио Патрик, доктор философии, профессор факультета филологии.

Место работы: Университет Лозанны.

Контактная информация: University of Lausanne, department of philology, Anthropole, CH – 1015, LAUSANNE, Switzerland.

E-mail: Patrick.Seriot@unil.ch

Сведения о переводе: Филатова Ксения Леонидовна, аспирант, ассистент кафедры перевода и переводоведения.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620089, г. Екатеринбург, ул. Крестинского, д. 57, кв. 43.

Сведения о переводе: Плаксина Елена Борисовна, ассистент.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, Институт педагогики и психологии детства.

which is characterized by irrational love for the language and is bound to justify its inherent superiority in comparison to other languages. The problems of linguistic unity, of language perfection and of the nation as a concept are also raised.

Key words: Russian language, sovietology, discourse, language perfection, nation.

About the author: Seriо Patrick, PhD, professor of the department of philology.

Place of employment: University of Lausanne.

About the translator: Filatova Ksenya Leonidovna, post-graduate student, associate professor of the chair of translation and translation studies.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

E-mail: Krestinskogo_57@mail.ru

About the translator: Plaksina Elena Borisovna, associate.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

В первой части данной работы о «Великом Русском Языке» изучается иррациональный характер любви к языку в том, что мы обозначили термином «Советский дискурс о языке» [Ср. Seriot 1983]. Во второй части представлена аргументация в пользу выделения советского дискурса о языке, призванного оправдать такую ситуацию, в которой один язык доминирует в силу внутреннего превосходства [Ср. Seriot 1984]. То, что должно было составить третью часть [2], посвященную «сознательному вмешательству в язык», описано нами в публикации в Энциклопедии Дицро [Ср. Seriot 1986].

В данной работе мы продолжаем исследование советского дискурса о языке, выдвигая следующий тезис: дискурс о единстве и прозрачности великого русского языка дублирует дискурс о единстве и прозрачности общественного строя в СССР. Мы не говорим, что существует такая вещь, как «тоталитарная лингвистика». Мы хотим только показать, как определение языка как прозрачной коммуникации, очевидно внутреннее для советского языкоznания, может вы светить взгляд на общество, в котором Субъект, влюбленный в свой инструмент коммуникации, возрождается только, видя его – языка – умирание.

Советский дискурс о языке (Ср. [Seriot, 1983] о принципе составления корпуса, уязвимость этого принципа здесь признают, но он тем не менее навязывается постоянным повто-

рением логофильских тем (в значении [Pierssens 1976: 11]) – это не просто дифирамб, классическое самовоспевание (по типу,

например, «слава КПСС», «слава великому советскому народу»). Есть нечто большее в этой

бредящей логофилии, в этих многословных повторениях, как и в анафемах, адресованных

тем, кто не разделяет этой необузданной страсти. Есть что-то на уровне желания, фантастического желания избежать разделения, вылечить от невыносимой раны: будто что-то в языке может выйти из-под контроля, уйти от предопределённости, от прозрачности. Именно следы этого желания, последствия этой логофилии мы и будем сейчас изучать.

1. Единый язык – один

Советский дискурс о языке настаивает на диахроническом единстве языка: через эпохи речь идёт о все той же субстанции, обеспечивающей постоянство в концепции Истории как прогрессивной эволюции. И весь историзм XIX века проявляется в подобных высказываниях:

Пешковский подчеркивает постепенность языкового развития, отсутствие в нём скачков. Консерватизм литературного наречия, говорит он, объединяя века и поколения, создает возможность единой мощной многовековой национальной литературы [Березин, Головин 1979: 387].

Но здесь и появляется первый важный семантический сдвиг: «язык», о котором говорят в советский дискурс о языке, – это совершенно особенный объект, который совершенно не со-

¹ Первая публикация на французском языке: De l'amour de la langue à la mort de la langue // Essais sur le discours soviétique. N. 6. Univ. de Grenoble-III, 1986. P. 1-19.

ответствует предмету лингвистики на Западе: речь идет о «литературном языке» (то, что мы перевели как «нормативный язык» [ср. Seriot 1982]). Для этого языка-субстанции нетрудно проследить историю: это внеязыковая история установления его норм:

Как мы видим, в период образования и распространения языка великорусской нации создаётся множество учебных книг, что также внесло свой вклад в установление норм русского языка [Шермухамедов 1980: 43].

Но было бы неверно усматривать в нормализации языка только простой эффект артефакта: норма – это тело жизни языка:

Что же касается попыток вывести норму за пределы лингвистики («пусть, дескать, её изучают эмпирики, это не дело теоретиков»), такое стремление стать спиной к живому языку, к процессу его функционирования должно быть оценено как желание противопоставить теорию языка практике его реального бытования [Будагов 1983: 244].

Несмотря на историческую подвижность языковой нормы, её общественное значение очевидно. Несоблюдение нормы или небрежное к ней отношение наносит ущерб коммуникативной функции языка. Утверждения, до сих пор встречающиеся в американской и западноевропейской лингвистике, согласно которым всякая языковая норма – это будто бы своеобразная диктатура в языке, следуют признать несостоятельными профессионально, дилетантскими [Будагов 1983: 248].

Особенно сбивает с толку это определение единства языка, которое основано одновременно на «объективности» нормы и на её «обязательности». Действительно, норма либо является нормой для всех: одно из «свойств» русского языка заключается в том, что его нормы «обязательны для всех говорящих» [Филин, 1977], либо (у того же автора) «обязательна для всех образованных людей» [Филин 1977: 8]. Если ВРЯ един, кажется, он не является равно единым для всех своих носителей...

Составленный из позитивных определений, из субстанции, а не из противоречивых ценностей, великий русский язык, единый язык, также является тем, что объединяет все языки, на которых говорят в СССР, создавая «общий лексический фонд» этих языков [Протченко 1975: 13], основание если не для их идентичности, то по крайней мере для их co-существования.

Русский язык, будучи одним из важнейших международных компонентов общесоветской культуры, творчески содействует выработке черт интернационализации в языках социалистических наций и народностей СССР [Белодед 1975: 7].

Великий русский язык, единый в своей норме и субстанции, именно этим и отличается от других языков, которые он объединяет в своей

универсальности. Мы уже видели, что по-русски сказать можно всё. Дело в том, что великий русский язык имеет не только больше слов для лучшего выражения мыслей, он также содержит в себе одном все те концепты, которые есть в других языках:

Русский язык – это феномен необычный, совершенно оригинальный, очень развитый и развивающийся с поразительной скоростью. Это язык, в формах которого уже сохранено бесконечное количество универсальных человеческих знаний, языков, в который, несомненно, выгодно и удобно вводить всё большую информацию [Костомаров 1975: 82].

2. Договорённость о смысле слов

Так как язык – это полноценная субстанция, а не система дифференциальных признаков, в советском дискурсе о языке слова языка имеют прямое значение, самостоятельное значение, «независимое от контекста», [Будагов 1983: 192], узнаваемое по тому, что оно даётся первым в словаре [Там же: 191, 194] (ср. Это представление о языке как об энциклопедии, или картине мира, это двойная избыточность реальности: «Вслед за Анатолем Франсом, для которого «слова – это образы и словарь – это весь мир, расположенный в алфавитном порядке» (1931), отметим, что изменения, которые произошли в жизни общества в середине XX века, естественным образом нашли свое отражение в жизни литературного языка, в особенностях в развитии его лексики его стилей, и т.д.» [Белодед 1977: 4]). Следовательно, любое «переносное» значение может быть только метонимическим переносом, что предполагает, как в классической риторике, существование абсолютной отправной точки для переноса. Ни метафора, ни языковая игра не возможны в этой теории позитивного определения знака, равно как и не рассматривается возможность увидеть в двусмысленности что-либо кроме ошибки, недочёта, который следует подвергнуть исправляющему воздействию. Во имя идеала коммуникации как «общественного факта», язык провозглашается однозначным инструментом, и значение доступно в силу достижения договорённости, посредством здравого смысла:

Я убежден, что доводы сторонников концепции «язык и речь сами по себе двусмысленны» совершенно несостоятельны. Чем больше развит язык, чем глубже его история, чем богаче литература, на нём созданная, тем менее вероятна сама возможность возникновения двусмысленности. Как общее правило, двусмысленными бывают не национальные языки, а лишь отдельные слова и конструкции в устах людей, по тем или иным причинам плохо владеющих данным языком (...) [Будагов 1975: 22] (...) само утверждение о двусмысленности языка и утверждение о социальной природе языка теоретически несовместимы. Одно из них резко противоречит другому. Сама общественная природа языка обеспечивает точность и недву-

смысленность всех его ресурсов, в области лексики и в области грамматики.

Убеждение, согласно которому все естественные языки человечества (в отличие от искусственных языковых построений) являются сами по себе во многом двусмысленными, фактически ошибочно, теоретически ассоциально. Языки не могли бы выполнять своей важнейшей функции в обществе – средства общения и средства выражения мыслей и чувств людей, живущих в этом обществе, если бы они были сами по себе двусмысленными [Будагов 1975: 23].

Это сопоставление двусмысленного и ассоциального интересно тем, что оно уподобляет невладение языком отклонению от нормы: это невозможность или отказ, по причине дурной воли, подчиняться «законам» языка. То есть, двусмысленность – это уже не просто проблема формы, как во французских классических грамматиках, а проблема общественного единства. Это не часто отмечалось, но несомненно, здесь и находится одно из принципиальных несоответствий между лингвистическими теориями Сталина и Марра: для Сталина язык не знает деления на классы, он является инструментом коммуникации, орудием народа-субъекта. Источник двусмысленности – это недостаток «образования», а не идеологическая установка при получении сообщения.

В советском дискурсе о языке, который кажется нам намного более «неосталинским», чем «неомарристским», интерпретация сообщения – это техническая проблема владения языковой нормой, но никогда не построение смысла в зависимости от дискурсивных особенностей получения сообщения:

Можно ли утверждать, что небрежную, неточную, неряшливую речь правильно поймут? А какие «неувязки» выходят иной раз в связи из-за неправильного толкования, это каждый испытал на своём собственным опыте [...]. Нет, неправильную речь или трудно понять, или можно понять ошибочно. А неправильно поймешь – неправильно и поступишь. Значит, культура речи не личное дело каждого из нас, а общественная потребность и необходимость [Люстрова, Скворцов 1972: 5].

Отказ от двусмысленностей, свойственных языку, может сравниться лишь с отказом от любой идеологической установки в порождении и интерпретации дискурса, отказ оттого, что общественные отношения могут порождать функционирование не-коммуникации.

3. Безупречный язык – это язык?

Великий русский язык – язык прозрачной коммуникации [Ср. Seriot 1985], язык соответствия слов и вещей, таким образом, вроде бы не имеет границ в силе номинации и отражения реальности. Но именно здесь его слабое место. Этот язык-который-всё-может-сказать, столь совершенный, что какая-либо тень на нём возможна лишь в употреблении людей неграмот-

ных или нечестных, что тем самым помещает его вне единого сообщества говорящих, этот совершенный язык, в котором нет недостатков, нет недочётов, нет упущений и нет лакун, будучи лишён невозможности сказать тем самым лишь реальности, в том значении, в котором Ж.-Кл. Милнер (Отметим, что обновление реальности языка, негативное по сути своей, а не эмпирически позитивное, рассматривается как «материалистическая позиция в лингвистике» по F. Gadet и M. Pêcheux [Неуловимый язык: 30]) использует этот термин, заимствованный у Лакана [Ср. Milner 1978].

Там мы и находим норму, «объективную и обязательную». Этому навязываемому определению, которое позитивно сформулировано в советском дискурсе о языке, отзывается эхом требование свободы, как например у Р. Барта, жалеющего, что он обречён во французском выбирать между мужским и женским, без возможности использовать средний род («язык – это фашист»). Как в одном, так и в другом случае, происходит соотнесение внутренне свойственного языку (правило, которое противопоставлено невозможному варианту) и внешнего владения языком (будь то в рамках регламентации или цензуры). Мы сейчас увидим, что может означать отказ от способности мыслить язык-объекта в терминах невозможного (представляется, что советский дискурс о языке панически боится пустоты...) для того, как рассматривается сообщество говорящих.

4. Нация как самосознавшая единица

Для Сталина – ещё один пункт разногласия с Марром – язык есть одна из принципиальных характеристик нации. С декабря 1913 года он провозглашал:

Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей*, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры [Сталин 1978: 15].

(Внутри марксистского течения были рассмотрены другие определения нации, ср. прежде всего, «австромарксизм» (O. Springer, O. Bauer, резко критикуемые Сталиным в 1913 году), отделяющий концепт нации от концепта территории и языка (признавая, как следствие, что евреи могут считаться народом, что отрицал Сталин)).

Это определение нации встречается повсеместно в виде «скрытой цитаты» в советском дискурсе о языке (например, в статье «национальный язык», написанной В.В. Ивановым в Энциклопедии Русского Языка, который вновь повторяет слово в слово это выскакивание, не ссылаясь на его источник, тоже самое и у Ф.П. Филина [1977: 8]. (Тема «общности психических черт» и «национального характера» недавно была представлена как научный критерий изучения отношений язык/национация на франко-советской конференции

по философии в докладе Ю.Н. Каурова (директора Института русского языка) в Москве) в Доме наук о человеке в Париже, 4-го декабря 1986 года). Нация, как и «общество», которому она иногда уподобляется, ведёт себя по образу индивида, как полноценный, целостный субъект, наделенный самосознанием и сознанием своего единства. Слово «нация» используется каждый раз, когда возникает необходимость применить критерий, внешний по отношению к специфически языковым механизмам, чтобы осознать её – нации – единство; каждый раз, когда размыщение о «внешних («общественных») влияниях» на язык могло бы привести к разрушению этой единицы, призванной основываться на критерии однозначной коммуникации между (взаимозаменяемыми) субъектами единой коммуникации. Нам кажется интересным отметить чрезвычайное сходство аргументов Сталина [1913] и А. Мейе, которые были представлены в то же время [Meillet 1906a, 1906b: цит. по Puech-Radzynski 1978: 49]. Не рассматривая возможность какого-либо прямого влияния одного на другого, следует всё-таки сделать вывод о том, что в начале века ещё доминировали представления о нации, присущие «эпистеме» XIX в., идеи, восходящие, прежде всего, к Гердеру, а именно: а) язык – это отражение нации и б) нация как осозаемая единая сущность является гарантом единства языка. Итак, если советский дискурс о языке так легко и так массово подхватывает эту тему, пришедшую из другой эпохи, то дело, как нам кажется, опять же в том, что советский дискурс о языке основывается на отказе от соссюровского эпистемологического разграничения, согласно которому объект языкоznания не существует на уровне субстанции. Яростность этого отторжения Соссюра заставляет нас считать, что теория значимости, невещественной материальности знака выходит за рамки споров в лингвистической теории и непосредственно касается идентификации общества (*corps social*) с телом (*corps tout court*). Советский дискурс о языке строится на идеи объективного существования языковой системы в однородном сообществе говорящих:

Щерба, под влиянием лекций Бодуэна, выдвигает своё понимание системы языка, которое заметно отличается от соссюровского. Он считает, что система есть то, что объективно заложено в данном языковом материале и что объективно проявляется в «индивидуальных речевых системах», возникающих под влиянием этого языкового материала. Следовательно, в языковом материале необходимо искать источник единства языка внутри данной общественной группы [Березин-Головин 1979: 388].

Как мы видели, именно это единство – фантомное – сообщества говорящих и гарантирует материальное единство языка. На этом пункте следует остановиться; единство и однород-

ность сообщества говорящих – это как раз одно из оснований теории Соссюра, как, впрочем, и Хомского (Это одно из принципиальных критических возражений, которые западная социолингвистика адресует этим двум лингвистическим теориям: постулируемое однородное сообщество, без вариаций в языковых реализациях. Вместо этого предлагается «лингвистика речи» [ср. Calvet 1975]). Что же тогда можно сказать о противопоставлении советского дискурса о языке и Соссюра? Нам кажется, что как это ни парадоксально, то, что советский дискурс о языке не может принять в теории Соссюра – это не столько идея об однородности массы говорящих, сколько постулат об автономности языка, о его недоступности влияниям со стороны действий говорящих на нём, короче говоря, то, что у языка есть свой порядок. Научная абстракция у Соссюра, идеализация у Хомского, язык является объектом познания, конструируемым в рамках теории, а не эмпирическим объектом, и такие исследования, как у Ж.-Кл. Милнера, показали, что этот собственный порядок основан на регулярностях, разнородных, отклоняющихся от нормы, но неизбежных, и что это можно выявить в рассуждениях, основанных на невозможном (но не на запрещённом). В советском дискурсе о языке, напротив, язык – это заполненное пространство, поддерживаемое нормами употребления «авторов, которые пользуются авторитетом» [Ср. Seriot 1982]. Тогда сообщество говорящих – это уже не абстрактная идеализация, необходимая для теории языка как собственного порядка; в советском дискурсе о языке оно становится говорящим телом, целостность которого должна предполагаться, оно – единственный гарант того, что язык действительно един. Получается, что открытие «своего» языка сообществом, настоящая «стадия зеркала» этой сознательной индивидуальности, которой является говорящий народ, происходит одновременно с его рождением как нации.

Создание общего национального языка – важнейший этап в истории каждого народа. Только в таком языке нация получает средства для полного раскрытия своих духовных сил и возможностей и для широкого участия в мировом культурном движении. Только такой язык и может стать основой национальной науки и литературы. Он же способствует сплочению всех сил народа, укреплению политического могущества нации и росту её влияния среди других государств. Понятно, что национальный литературный язык, как общее достояние всего народа, служит предметом народной гордости, самого внимательного попечения и ухода [Виноградов 1945: 9].

Если тот факт, что язык-объект в определении Соссюра подвергается яростной критике Бурдье [Ср. Bourdieu 1982], как нам кажется, совершенно не затрагивает фундаментальной важности вклада Соссюра, а именно, собствен-

ного, присущего языку порядка, то, напротив, вся совокупность рассуждений Бурдье могла бы, по нашему мнению, быть очень адекватно применена к отношению языка и его пользователей, в том виде, в котором это отношение определено в советском дискурсе о языке. Для Бурдье язык норм – это не то же самое, что «легитимный язык», эффективность которого основывается на иллюзии свободного выбора и на чистой коммуникации между общественными субъектами. Действительное происхождение этого легитимного языка следует искать во властьных отношениях:

Любой дискурс, призванный стать авторитетным и цитироваться как пример «хорошего стиля» навязывает некую власть языку и его простым носителям [Bourdieu 1982: 47].

Отбрасывая идею о том, что эффект легитимации некоторых видов дискурса обусловлен их внутренними свойствами (синтаксической сложностью, лексическим богатством), Бурдье полагает, что авторитет легитимного языка объясняется строго неязыковыми факторами: социальными условиями его производства и воспроизведения. Мы же выдвинули гипотезу [Cр. Seriot 1982: 79], что нормы так называемого «литературного» русского языка, объекта исследования советской социолингвистики – это не что иное, как идеализированная модель языковой продукции бюрократии, появившейся в конце 1930-х годов. Уточним, тем не менее, что постоянное смешение, которое происходит в советском дискурсе о языке между системой и стилем, между потенциально возможным и реализациями, позволяет принимать дискурс за нормы языка. Здесь и скрыт настоящий идеологический смысл догматизма советского дискурса о языке, который склонен признавать только одну языковую практику и навязывать её как Язык с большой буквы (Великий русский язык). Здесь же и сильно резонируют работы кружка Бахтина как напоминание о том, что в СССР монологизация не всегда преобладала в работах о языке, монологизация, несущая интересы доминирующей группы, извлекающая интерпретацию «смысла» из дискурса с внутренней релятивизацией диалогизма. Отсюда и происходит это много раз повторяющееся утверждение единодушия:

Россия нашла свой путь, путь всеобщего единодушия мысли. И мы, советские люди, говорим на едином языке, понятном для всех нас и мы одинаково думаем о жизненно важных проблемах. И в этом единодушии мысли и есть наша сила и наше преимущество перед другими народами, столь раздираемыми внутренне, разобщенными, разделённых несходством своих идей [Василий Ильенков. Большая дорога. 1949 (удостоен Сталинской премии), цит. по: Синявский 1983: 77].

Эти заявления о единстве языка кажутся нам возможными только потому, что дискурс,

доминирующий в СССР (для которого советский дискурс о языке – лишь частный случай), основывается на отказе от любой неопределенности в языке, как и от любой двусмысленности в языковых произведениях. Отметим к тому же, что советский дискурс о языке работает только с устойчивыми дискурсивными универсумами (научная терминология или цитаты логофилов XIX века), и никогда не берётся за корпусы, в которых может пропустить набросок диалогизма или отсутствие единодушного согласия. Этим и объясняется полное отсутствие рефлексии по поводу идеологических факторов разделения или коммуникационных сбоев в обществе, основанном на отношениях столь же прозрачных, как и торговые отношения:

В.И. Ленин считал, что единство языка – это очень важное условие для нормальных торговых и экономических отношений [Колесник 1977: 20]. (Стонит сопоставить с высказыванием из отчёта аббата Грегуара на Конвенции 1793 года: «На протяжении всей страны существует столько жаргонов, которые затрудняют продвижения торговли» [цит. по Hagège 1985: 203]).

Этим и объясняется данная совершенно сталинская концепция языка, стоящего выше классов:

Язык и общество, как известно, неразрывно связаны. Язык есть средство обмена мыслями, согласования совместных действий людей, это душа народа, бесценный дар человека [Шермухамедов 1980: 6]. Речь человека, как и он сам, могла возникнуть только в обществе и служит обществу, отражает жизнь общества, закрепляет результаты мышления, культуры и опыта на всем протяжении человеческой истории и содействует их дальнейшему развитию [Шермухамедов 1980: 20].

Заключение.

Некоторые несоответствия и противоречия современного советского дискурса о языке могут объясняться тем, что «дискуссия о языке 1950 года», начатая в Сталиным в газете «Правда», чтобы покончить с марксистскими теориями в языкоznании, ничего не решила, не дала эпистемологический скачок, не произвела новых понятий, а только лишь похоронила – на административном уровне – любую постановку проблемы, которая имела целью – конечно, очень по-социалистически – усомниться в идее существования Единого языка у Единого народа. Оставив саму возможность рефлексии над конфликтными вопросами, без которых ни одно общество не может материально существовать, дискуссия эта породила переливание из пустого в порожнее тяжеловесного советского дискурса о языке, всё строит и строит Вавилонскую башню, образ единого тела, говорящего на языке ангелов.

ЛИТЕРАТУРА

Белодед И.К. Функционирование языков народов СССР в условиях расцвета социалистических наций // Вопросы языкоznания. 1975. № 4.

Белодед И.К. Научно-технический прогресс и язык художественной литературы // Вопросы языкоznания. 1977. № 3.

Березин Ф.М. Русский язык: его роль в развитии и укреплении советского общества и международного сотрудничества // Березин Ф.М. История лингвистических учений. – М., 1984

Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкоznание. – М., 1979

Будагов Р.А. Что такое общественная природа языка // Вопросы языкоznания. 1975. № 3.

Будагов Р.А. Язык. Реальность. Язык. – М., 1983.

Виноградов В.В. Великий русский язык – М., 1945

Костомаров В.Г. Программа КПСС о русском языке. – М., 1963

Люстрова З.Н., Скворцов Л.И. В мире родной речи. – М., 1972

Протченко И.Ф. Лексика и словообразование русского языка советской эпохи. – М., 1975

Русский язык – энциклопедия / Под ред. Ф.П. Филина. – М., 1979.

Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. – СПб., 1978.

Филин Ф.П. Советское языкоznание: теория и практика // Вопросы языкоznания. 1977. № 5.

Якубинский Л.П. Ф. Де Соссюр о невозможности языковой политики // Якубинский Л.П. Избранные работы. – М., 1986. С. 71-81.

Шермухамедов С. Русский язык — великое и могучее средство общения советского народа. – М., 1980.

Bourdieu P. Ce que parler veut dire. – Paris, 1982.

Calvet L.J. Pour et contre Saussure. – Paris: Payot, 1975.

Hagege Cl. L'homme de paroles. – Paris: Fayard, 1985.

Meillet A. Observations générales sur le langage // dans L'année psychologique. – Paris, 1906.

Meillet A. L'état actuel des études de linguistique générale. – Paris, 1906.

Milner J.C. L'amour de la langue. – Paris: Seuil, 1978.

Pecheux M. Sur la (dé-)construction des théories linguistiques // dans D.R.L.A.V. №27. 1982.

Picchio R. Questione della lingua e slavia cirilometodiana // dans PICCHIO R. (éd.) Studi sulla questione della lingua presso gli slavi. – Rome, 1973.

Pierssens M. La tour de babel (la fiction du signe). – Paris: Ed. de Minuit, 1976.

Puech C., Radzynski A. La langue comme fait social: fonction d'une évidence // dans Langages. №49. 1978.

Seriot P. La sociolinguistique soviétique est-elle "néo-marriste"? // dans Archives et documents de la Société d'Histoire et d'épistémologie des sciences du langage. №2. 1982. Pp. 63-84.

Seriot P. La Grande Langue Russe, objet d'amour et/ou de connaissance? // dans Essais sur le discours soviétique. №3. 1983. Pp. 103-124 (GRENOBLE-III).

Seriot P. Pourquoi la langue russe est-elle grande? // dans Essais sur le discours soviétique. №4. 1984. Pp. 57-92 (GRENOBLE-III).

Seriot P. L'un et le multiple: l'objet-langue dans la politique linguistique soviétique // dans Etats de langue (Encyclopédie Diderot). – Paris: Fayard, 1986.

Seriot P. De l'amour de la langue à la mort de la langue // Essais sur le discours soviétique. N. 6. Univ. de Grenoble-III. 1986. P. 1-19.

© Серио П., 2009

© Плаксина Е. Б.,

Филатова К.Л. (перевод), 2009